

что еще в 2009 году автор был удостоен премии имени Ю. Казакова за рассказ «Легкий поток»). Тут и красоты природы, и «простые» герои, и тончайше подмеченные детали любимого края России. Справедливости ради отметим, что для Юрия Казакова любимый край ограничен Русским Севером (еще точнее — Архангельской землей), а для Олега Ермакова он существенно шире.

Однако на монтажном столе «Песни тунгуса» что-то не склеивается, целые эпизоды из биографии Мишки теряются — но атмосфера остается. Трехчастный роман куда больше походит на затянувшуюся повесть. Плести словеса под звуки волшебного бубна, конечно, можно до бесконечности. Если в первой части накал страстей размеренно, но все же нарастает, на второй читатель может с облегчением выдохнуть — и поперхнуться: здесь сковывают тело мороз, ледяная гладь Байкала и белоснежная тайга. Тут бы появиться какому-нибудь тунгусскому божку — да завернуть фэнтезийный сюжет, но...

Да, как по камертону, должен был бы выстроиться этот заповедный лес. «Не кончается время тревог, но кончаются зимы»: в третьей части заповедник ждут перемены, «здесь замышляется байкальская революция». Менять, рушить, кончать с прошлым — значит построить «заповедник нового толка» в противовес идее заповедника «старого хозяйственно-научного толка». Казалось бы, вот оно, то, что наконец примирит тунгуса и остальной мир, но Мальчакитов в этом заповеднике будущего не нужен. Его тут вообще уже нет, ушел. Революция никого не оставляет в стороне, но если знаешь нужные слова, — а они тут самые верные: «Сэвдеелэй-дэ гуделэй! <...> Весело же и красиво!» — сможешь увернуться: «Мишку забрали. Но он бежал...»

Последний вопрос — а что хотел сказать автор? — требует хоть какого-нибудь ответа. Напомнить об исчезающем народе, развлечь детективными хитросплетениями, блеснуть знанием природы Байкала? Отнюдь. Олег Ермаков создает текст, в котором эстетика «дикости» убедительно противостоит серой, бесхитростной цивилизации. Только в такой форме может сохраниться невероятная песнь тунгуса, наполняющая заповедную тайгу: «...тайга здесь была ближе, рядом — и густо уходила по долине, по горам расплескивалась, за собой звала — к далеким снежным горам на востоке, откуда солнце-то и вставало».

Максим ВОЛЬХИН

К ЮГУ ОТ МИФА

Лора Белоиван. Южнорусское Овчарово. М.: Лайвбук, 2017. 368 с.

Может, и мед снится нам в трехлитровой банке в шкафчике нашей кухни, и все остальное, включая Южнорусское Овчарово, нам тоже снится? Очень уж бывает похоже на сон. Однако сядешь в машину, заведешь, тронешься с места, а через полтора километра от дома — дорожный знак: «Южнорусское Овчарово». Его можно потрогать. Можно даже пнуть ногой. Он есть всегда — и днем, и ночью.

Даром что перечеркнутый с обеих сторон.

Рассказы о русской деревне Южнорусское Овчарово, находящейся черт знает где, или в 70 километрах от Владивостока, немного сбивают с толку незадачливого городского читателя. Все происходящее вроде как вполне укладывается в рамки нормального человеческого осмысления, а нет-нет да и сползет где-нибудь край крышки от пластмассового ведра, и из него вытечет чудная темная сгущенка или кальмаровый мед. Простые истории о хлебосольной старушке, успешном садовом или отключе-

нии электроэнергии, казавшиеся привычным пластмассовым ведром, при чтении постепенно открываются и являют бездну фантастического, еженощно снящуюся Гоголю в гробу.

Сама Лора Белоиван, появляясь на страницах своей книги, тоже оказывается не просто директором Центра реабилитации морских млекопитающих, художницей и финалистом двух литературных премий, а заложницей фитнес-браслета и спасительницей русалок. И хотя с появлением библейских мотивов и приближением финала книги, читатель ждет каких-то пояснений от выскочившего из-за угла автора, она лишь делится с нами еще одной историей жителя своей деревни Пospelова Сергея и отправляется кататься на роликах и встречать самолеты.

Пространство вычеркнутой из реального мира деревни поистине безгранично: она глубоко связана с Иерусалимом, в нее приносит подводные лодки и русалок, она сужается и расширяется то до одной улицы, то до неведомых пространств между соседней деревней и кладбищем. То же самое происходит с предметами, в ней находящимися. Чего стоит один магазин Антонины, который напоминает дыру между мирами из романов Макса Фрая, в нем появляется все, что нужно желающему. О времени мы просто не беремся говорить, потому что оно подчиняется каждому жителю Овчарова по-разному и совершенно очевидно, что ни в одном доме на часах вы не найдете схожих цифр. Осмелюсь даже отметить, что и темп чтения рассказов меняется в зависимости от отношений избранных персонажей со временем (о доме, в котором сиреневым цветом на стене нанесен знак бесконечности, мы все еще читаем, а вот о дошедшем до Овчарова за три часа суде можем перечитать снова, поскольку некоторые детали уже стираются из памяти).

Мифология овчаровского мира обладает удивительной способностью к органичному проникновению как в реальные сюжеты, так и в традиционные мифологические. Кладбищенский проводник Франциск Ассизский возникает в деревне так же естественно, как любой городской житель или проклято-вылеченные Дед Мороз со Снегурочкой, становясь частью обширной палитры овчаровской мифологии. И читатель даже почти не удивится, если окажется, что Ник (он же Николас) из последней главы окажется по паспорту Николасом Святым. Так же спокойно он воспринимает историю о тысяче папай, взошедших у удачливого садовода, и лишь когда в неотапливаемых теплицах зимой вырастает целый лес тропических деревьев, начинает что-то подозревать. Нельзя здесь не восхититься удивительной легкости, с которой Лора Белоиван помещает свою деревню в обширный контекст мировой культуры, наконец, отделяя, как ранее отмечалось рецензентами, тему русской провинции от «деревенской прозы» и подающая ее как пространство для фантастических превращений и оригинальных сюжетов. При этом основывая все это на глубоких русских фольклорных корнях: лечении с помощью еды и способности проклясть словами, заговаривании деревьев, отношении к городским в деревне, разговорах с умершими в доме, способности леса запутать человека, юродивых и русалках. С каждым рассказом она, если хотите, сгущает национальную идентичность, как дед Костик сгущает темноту для освещения деревни. Хотя он бы первый отозвался на эту фразу известным русским словом.

Отдельно стоит сказать о способности Лоры Белоиван создавать живых, объемных персонажей несколькими строчками. То портретным описанием: «У деда Наиля уши мягкие и удивительно длинные. <...> Длина их поразительна: еще чуть-чуть, и мочки лягут на дедовы плечи. Это оттого, что у деда Наиля короткая, почти совсем ушедшая в плечи шея. <...> В остальном он нормальный, обычный дед. Таких в Южнорусском Овчарове на каждой улице по семь пачек. Сутулый, среднего роста старик

с желтоватыми космами вокруг коричневой лысины. С чистыми, очень ясными глазами почти бирюзового цвета — немного неожиданными на смятом лице». То ярким поступком, как в случае с Леной и Мариной, когда первая сначала выбрала кататься по родной деревне, а не по заграницам, а потом не смогла перебороть страх перед котенком с болот, даже после того, как он был отделен от естественной среды и выращен до взрослой особи. То удивительным сочетанием имени и возраста — «Наташа — обыкновенная старуха, довольно слабосильная...» — с последующим описанием дома и поведения. Дом довольно часто становится помощником в создании образа, и в этом еще одна удачно отраженная в книге особенность русской деревни, где хозяин всегда тесно связан со своим жилищем и оно является неотделимой частью его личности.

Может показаться, что в книге нет никакой глубины, или мы сознательно избегаем в нее соваться, дабы не оказаться вместе с *english teacher Mr. Mister* на дне колодца. Но мы лишь следуем за автором, который следует за деревенской традицией относиться серьезно к весьма ограниченному кругу вещей. Например, к грибам и их росту. На самом деле, конечно, за легким тоном повествования Лоры Белоиван скрывается большой спектр серьезных тем, достойных томов философской лирики. Как сообщить близким людям, что в квартире нет никакого ремонта, и квартиры нет, да и их самих уже нет, потому что они умерли и пора заботиться о надгробном камне, а не об аккаунте в Инстаграме? Как правильно помочь мертвецам не рассыпаться в прах, и у кого спрашивать о таком совете? Что делать, если нечаянно услышал довольно точное предсказание своей смерти, и оно вдруг начало сбываться? Как правильно обрабатывать камень в горле, чтобы он не мешал летать со скалы? Как понять, кто именно сходит с ума, когда оба уверены, что с ними все нормально? Вопросы, не встающие перед жителями Овчарова, но невольно вырисовывающиеся в голове у читателя после прочтения книги, кажется уместным задать Безумному Шляпнику и Кролику за бесконечным чаепитием. Мы же просто посоветуем сесть в машину и, следуя по широкой федеральной трассе от Владивостока и руководствуясь прекрасными иллюстрациями из книги, достичь перечеркнутого указателя на деревню Южнорусское Овчарово.

Анастасия ПЕРНИКОВА